

**«Я хоть и циник, но очень восторженный.
Это две крайности, но я далек от того,
чтобы все было посередине».**

— Только закончил-ся ваш концерт, Михаил Николаевич, и невольно возникает вопрос: что делать, если перед выходом на сцену вы вообще не в форме? Если вам совсем не смешно?

— Недавно у меня была ангина. Выпил таблетку и пошел выступать, потому что зал полный, три тысячи человек. Два дня выступал, и ангина прошла, зарядился от зала энергией. Я не йог, но многое чувствую.

— Не йог, но до сих пор на сцене на шпагат садитесь. С легкостью. Сколько вам лет?

— Сорок восемь.

— А сколько вам было лет, когда кто-то впервые рассмеялся над вашей шуткой?

— Рассмеялся весь класс, когда Утесов спел «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня», а я переиначил — «полная Задорнова огня», и все совпало. Мне было тогда лет десять.

— Часто люди пестуют в себе юмор либо для самозащиты, либо для соблазнения противоположного пола. У вас было много комплексов?

— У меня и сейчас есть комплексы, но тогда мне еще не сказали, что они есть. Но вы правы, юмор — для соблазнения. Если какая-то девочка в классе мне нравилась, я шутил на уроке максимально активно.

— С тех пор вы — юморист?

— Нет, первая повесть была серьезная. После школы я с ботанической экспедицией поехал черно-рабочим на Курильские острова и в духе Аксенова и Гладилина написал «Точку пересечения». Мол, две жизни, мужчины и женщины, пересеклись на краю света и разошлись навсегда. Отец (Писатель Николай Задорнов. — Ред.) прочел страниц двести, заметил: «Две страницы хорошие. Будешь писателем».

— Так вы — писатель?

— Нет. Во всяком случае, пока. Я что-то понимаю в литературе, я — профессионал на сцене, в юморе, у меня к этому есть способности, безусловно. Но я не Фолкнер и не Достоевский.

— Но как же вы стали профессионалом на сцене?

— Когда-то мечтал поступить в МАИ. Там была лучшая команда ручного мяча в Союзе, а я играл в ручной мяч. Но однажды в том же МАИ увидел успех инженера Лиона Измайлова, а Володя Качан и Леня

«Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная Задорнова огня?»

«Я вас насквозь вижу»

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ

В гостях у «Темы»

Филатов затянули меня в около-студенческую жизнь. Стал я заниматься самодеятельностью, писать.

— **Как с годами меняется чувство юмора?**

— Становится еще более двусмысленным. В смешном случае вообще должен быть второй план. Когда распался СССР, я был в Австралии. Пора на сцену идти, а я: «Боже, все же про коммунистов написал, что же теперь говорить?». А оказалось — все смеются. Когда мысль заложена, юмор долго не устаревает.

— **Какую из своих шуток вы любите больше всего?**

— Одной не обойдусь. Штук двадцать наберется. Любимые афоризмы: «Каждый человек — кузнецик своего счастья», «Ужиться можно с кем угодно, если живешь порознь», «Жизнь бизнесмена красивая, но короткая». И так далее.

— **Путь к успеху с такими афоризмами был долг?**

— Лет восемь меня не печатали в «Литгазете».

— **А что вы кушали все эти восемь лет?**

— Ну, я же инженер. Был даже ведущий, на сто двадцать рублей. В родном МАИ, в научной группе, я создавал форсунку для форсажной камеры самолета — подавать пар в камеру сгорания. Причем по-скольку моделировать на топливе опасно, из этой форсунки у нас шел спирт, и я имел большой успех на кафедре.

— **Сегодня все еще владеете техническими навыками?**

— Когда идет ремонт, подсказываю, как чего делать с подоконником. Это для всех удовольствие — иметь успех в чем-то помимо работы. Арканов больше всего в жизни гордится, что напечатана не проза, а его шахматная партия.

— **Ваше хобби?**

— Мне папа еще в десять лет сказал: «Играй в теннис, тебе это пригодится». И нанял тренера. Пригодилось.

— **Ну, это утром. А как вы проводите вечера?**

— Очень скучно. Вы меня никогда не увидите ни на одной презентации. Я до сих пор обычно сижу и читаю «медленную», непрямолинейную литературу.

Перед концертом: «Сейчас выпью и пойду заряжаться от зала энергией»

«Ну, Борис Николаевич, держитесь!»

— **И где вы ее читаете?**

— В Крылатском. В пределах Садового кольца живут только тусовщики. Мне ж это не нужно. У меня даже есть мечта переехать в Питер, уехать из Москвы. Хочу только, чтоб у меня всегда была уютная библиотека с хорошей лампой, креслом и тапочками.

— **А какой у вас дом сейчас?**

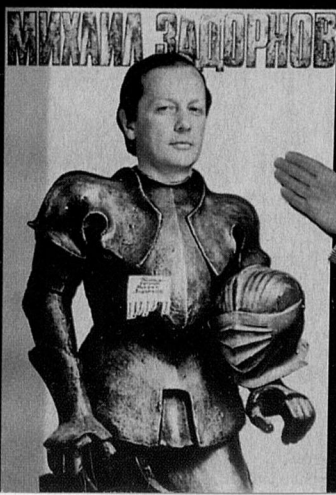
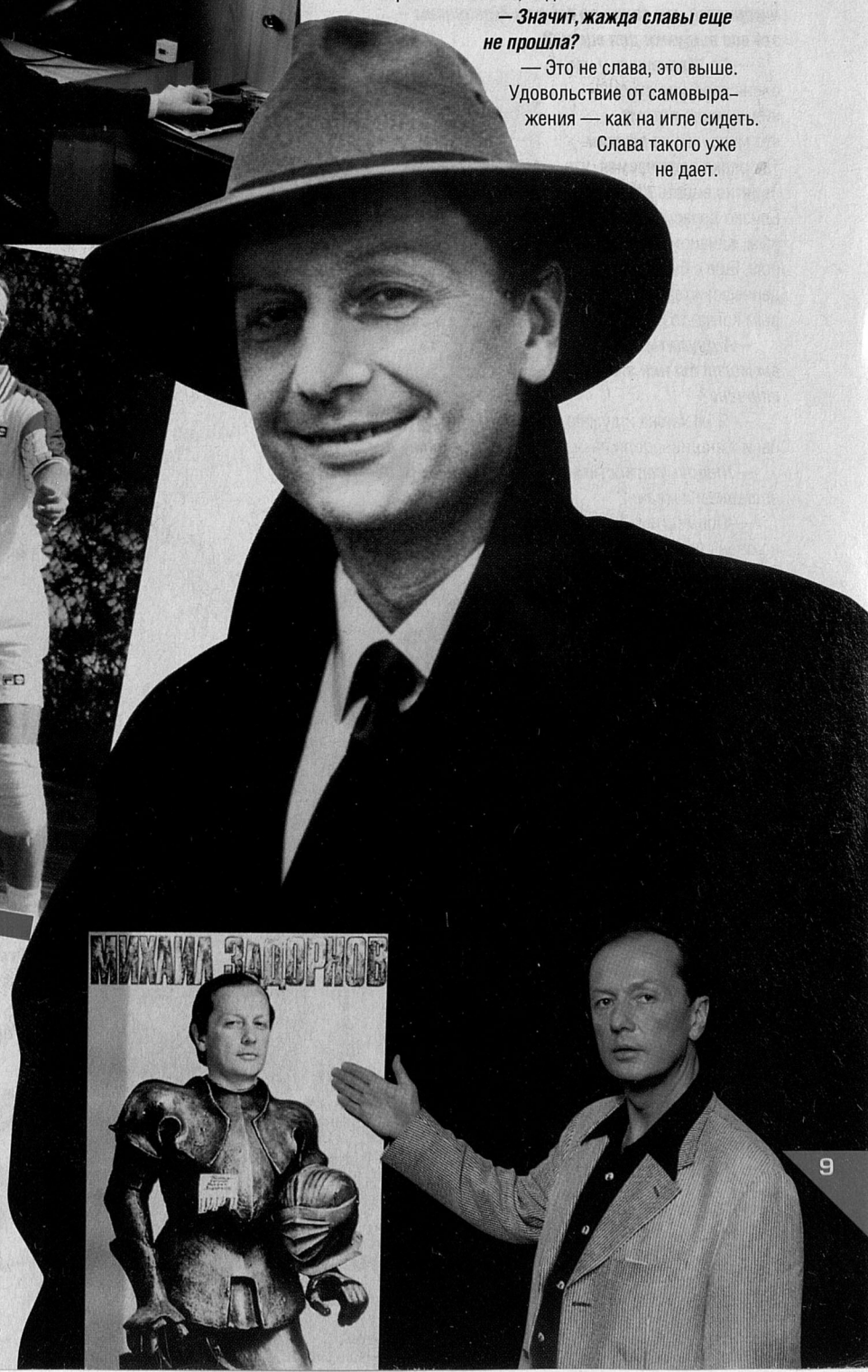
— Довольно обыкновенный. Квартира метров сто, большая. Но единственное, чем могу похвастать, у меня много картин. Люблю живопись, может, в прошлой жизни был живописцем. Когда-то отец купил мне мольберт, и лет до четырнадцати я рисовал. А однажды он растоптал мои краски, я их не там оставил. И я так обиделся, что перестал рисовать навсегда. Теперь понимаю, что просто не было дара. Если бы был, я б не обиделся на всю жизнь. Но до сих пор иногда покупаю картины, которые нравятся. Есть Саврасов, Верещагин, этюды Поленова, Васнецов, нехрестоматийные питерские импрессионисты. Мне вообще во всем нравится импрессионизм. Люблю эмоциональное выражение чувств, не люблю созерцательность.

— **То есть на необитаемый остров не стремитесь?**

— Хотелось бы одновременно жить на необитаемом острове и давать в городах концерты. Чтобы никто не звонил, чтобы звонил я сам и только когда захочу, но при этом писать, издаваться.

— **Значит, жажда славы еще не прошла?**

— Это не слава, это выше. Удовольствие от самовыражения — как на игле сидеть. Слава такого уже не дает.

Три юмориста? Перебор!
(с Лионом Измайловым и Аркадием Аркановым)

— Вы считаете, что самовыражаться — это и есть главная задача человечества?

— Творческого, отчасти. Мне очень нравится выходить на сцену, выступать. Я никогда не работал за деньги. Непонятно, что говорю? Я никогда не работал по заказу. Если кому-то писал, мне просто нравилось с ним работать.

— С кем тогда вы дружны? Все же с тусовкой юмористов или сауна на пару со Жванецким — это все выдумки для сцены?

— Со Жванецким у нас очень хорошие отношения, именно потому, что мы с ним не дружим. Так редко встречаемся, что приятно видеть друг друга. Близко дружу с Измайловым, Качаном, Петросяном. Еще с бывшим студенческим театром, которым когда-то руководил.

— А дружить с дамой вы могли бы или это исключено?

— Я не ханжа и думаю, что все равно у мужчины и женщины должна быть какая-то мысль.

— Любовь совместима с общепроникновенным отношением к жизни?

— Совместима много раз. Я хоть и циник, но очень восторженный.

— Ваша первая любовь знала, что вы в нее влюблены?

— Нет, это было во втором классе, она потом ушла из нашей школы. Случайно встретились лет в двадцать, и она очень удивилась и пожалела. А!.. Нет, пожалела она уже в сорок, когда я стал популярен.

— Вас кто-нибудь встречает дома после концерта?

— Многие вопросы, которые задают современные

Сделаем «хорошее лицо»...

В поисках радости

— Пропорционально заработкам?

— Не скажу.

— О личной жизни обычно не говорят те, у кого она не складывается.

У вас такой случай?

— Ну, что я буду жаловаться? Мне нравится, мне всегда везло с женщинами.

— Их что-нибудь объединяло?

— Их всех возбуждал мужской ум. Они были скорее умны, нежели красивы.

— А как вы это меряете?

— Линейкой.

— Объединяло ли их что-нибудь, заставляющее расставаться?

— Нет, этот знаменатель во мне.

«Ни одной мысли в голове. Придется импровизировать»

журналисты и передачи типа «Акул пера», я считаю безнравственными. Ко мне пришла в Самаре журналистка и спрашивает: «Вы какими венерическими заболеваниями болели?». Отвечаю: «Я уже вылечился, можете брать интервью». Так она потом в газете так и написала: «Он вылечился от всех венерических заболеваний».

— Может, поговорим в ироническом наклонении?

— Вы не разберетесь в том, в чем я сам не могу разобраться. Не знаю ответа.

— И спокойно живете с неотвеченными вопросами?

— У меня есть работа. Если б не было работы, я бы, может, сошел с ума.

— А мама? Говорят, вы маму из Риги перевезли?

— Нет, она осталась там. Вообще у меня много родственников. Но я достаточно зарабатываю. А число родственников растет.

— Вы — одиночка по натуре? Те, кто смешист по должности, в жизни обычно мрачные и злобные.

— Скорее я в жизни тихий. Неудобно о себе говорить. В работе я очень требователен, сотрудники часто плачут, но не уходят. Да нет, и в жизни на родственниках срываюсь часто. А если человек срывается, значит, он не очень сильный человек. Сильные никогда не срываются.

— Так какое из определений вам наиболее близко: «Я дурак», «Я не дурак» или «А мне по фигу»?

— Не, я не дурак, извините за откровенность, или так

скажем: я бываю дураком, но не очень часто. Дурость все время копится потихоньку, а примерно раз в год я бываю крошечным идиотом. Нет, раз в квартал.

— Это именно те случаи, когда вы срываетесь на близких?

— Нет, я срываюсь гораздо чаще.

— Что же более нормально: шесть жен, как у Генриха VIII, или «они были счастливы и умерли в один день»?

— Второе.

— Вы еще можете достигнуть такого состояния?

— Нет. Хотя всякое бывает. Не надо уж так ставить крест на самом себе. Это неправильно. Я не такую плохую жизнь прожил, чтобы говорить «нет».

Екатерина Тарханова

СУББОТА. ТВ ЦЕНТР. 22.15